

Bogustov A.A.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2026.83.61-70
UDC:347.78:34.096

Judicial Interpretation as a Factor in Determining the Eligibility for Protection of Copyrighted Works

Abstract: This paper examines the role of broad and restrictive judicial interpretations of copyright legislation in determining the eligibility for protection of copyrighted works. Based on an analysis of specific court cases, the author demonstrates how judicial interpretation not only defines the scope of protected works, but also extends the application of copyright principles to relationships unrelated to intellectual property (for example, the right of publicity), or, conversely, excludes certain results of intellectual activity (such as chess games). The implications of these approaches for rights holders and users are highlighted.

Keywords: author, copyright, subject matter of rights, case law, judicial interpretation.

References

1. Appellate ruling of the Civil Division of the Moscow City Court dated 6 November 2014 in case No. 33-43979. Available at: URL: <https://mos-gorsud.ru>. (in Russian).
2. Appeal ruling of the Civil Division of the Moscow City Court dated 6 June 2014 in case No. 33-16906/2014. Available at: URL: <https://mos-gorsud.ru> (in Russian).
3. Appeal ruling of the Civil Division of the Moscow City Court dated 8 October 2014 in case No. 33-25191/2014. Available at: URL: <https://mos-gorsud.ru> (in Russian).
4. Belyatskin S.A. Private Law: Basic Principles (Course in Civil Law). Kaunas: s.n., 1928, 900 p. (in Russian).
5. Bogustov A.A. Problems and Prospects for the Protection of a Chess Game as an Object of Copyright. Sports Law in the Republic of Belarus. Minsk: Industrial and Commercial Law, 2014. pp. 182-192.(in Russian).
6. Zenin I. A. Subjects and Objects of Intellectual Copyright. Problems of Russian Intellectual Property Law (Selected Works). Moscow: Statut Publ., 2015. pp. 131-146.(in Russian).
7. Kondratyeva E. A. Objects of Intellectual Property Rights: Features of Legal Protection. Moscow: Statut Publ., 2014. 160 p. (in Russian).
8. Matveev A. G. Intellectual Property Rights in Works of Science, Literature and Art. Perm: Perm State National Research University Publ., 2015. 444 p.(in Russian).
9. Naumov M. Copyright in intellectual games (using chess as an example). Available at: URL: <http://www.gambiter.ru/chess/item/163-chess-copyright.html> (in Russian).
10. On issues arising in the courts during the consideration of civil cases relating to the application of legislation on copyright and related rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court

* **Bogustov Andrei A.** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, Yanka Kupala State University of Grodno (Republic of Belarus). E-mail: bogustov_aa@grsu.by.

of the Russian Federation No. 15 of 19 June 2006. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. No. 8.(in Russian).

11. On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, 23 April 2019 No. 10. Available at: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/> (in Russian).

12. Pilenko A.A. The New Copyright Law: (Text of the Law, Comparison with Previously Applicable Law, Preparatory Materials). St Petersburg: A. S. Suvorin Publ., 1911. 168 p.(in Russian).

13. Decision of the Basmanny District Court of Moscow, 26 July 2002, in Case No. 2–3775/02. Available at: URL: <https://euruchess.org/cgi-bin/index.cgi?action=forum&board=mir&op=printpage&num=124> (in Russian).

14. Sinitsyn S.A. Judicial practice as a key factor in the development of legislation: experience from Russian and foreign law. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2017. No. 1 (62). pp. 103-107. (in Russian).

15. Ozhegov S.I.'s Explanatory Online Dictionary of the Russian Language Available at: URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (in Russian).

The article was submitted: 2026 April 09

Accepted for publication: 2026 April 23

Богустов А.А.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2026.83.61-70

УДК: 347.78:34.096

Судебное толкование как фактор формирования охраноспособности объектов авторского права

Аннотация: Исследуется роль расширительного и ограничительного толкования судами законодательства об объектах авторского права в формировании их охраноспособности. На основе анализа конкретных судебных дел автор показывает, как судебное толкование не только определяет круг охраняемых произведений, но и распространяет действие авторско-правовых принципов на отношения, не связанные с интеллектуальной собственностью (например, право на изображение), или, напротив, исключает из охраны определенные результаты интеллектуальной деятельности (как шахматные партии). Подчеркиваются последствия данных подходов для правообладателей и пользователей.

Ключевые слова: автор, авторское право, объект прав, судебная практика, судебное толкование.

* **Богустов Андрей Алексеевич** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь). E-mail: bogustov_aa@grsu.by.

Введение. Современный этап развития законодательства характеризуется повышенным вниманием к сфере интеллектуальной собственности, включая авторско-правовые отношения. Несмотря на долгую историю, авторское право порождает ряд теоретических вопросов, не имеющих однозначного решения. Так, И. А. Зенин обращал внимание на то, что в дальнейшем анализе и совершенствовании нуждаются многие «классические» нормы, в частности «о субъектах и объектах авторских прав, в том числе о таких лежащих в их основе базовых категориях, как "творчество (творческая деятельность)", "соавторство", "производное, составное и аудиовизуальное произведение"» [6, с. 132].

Развивая эту мысль, Е. А. Кондратьева констатирует, что на сегодняшний день значительной проблемой является отсутствие «определения понятий научного, литературного произведений и произведения искусства, а также собственно произведения. Отсюда – научные дискуссии, в ходе которых формулируются предложения установить те или иные признаки объектов авторских прав, дать определения понятий как самого произведения, так и его разновидностей» [7, с. 54].

Как прямое следствие этой законодательной неопределенности возникает феномен, описанный А. Г. Матвеевым. Он называл проблему определения охраноспособного объекта одной из наиболее важных и указывал, что: «сложность вопроса заключается в том, что в законодательстве на этот счет имеются лишь самые общие положения. Вся конкретика, которая в данном случае является ключевой, разыгрывается в доктрине и судебной практике... Кроме того, вопрос правообъектности в авторском праве – это в некотором смысле вопрос предположений и неопределенности, так как авторские права возникают автоматически и точку в каждом конкретном случае может поставить только суд» [8, с. 160].

Таким образом, изложенные точки зрения позволяют сформулировать основную проблему настоящего исследования, которая состоит в том, что при формально открытом перечне объектов авторского права решающая роль в определении их охраноспособности на практике переходит к суду. Однако характер и последствия этого судебного толкования – его способность как расширять, так и ограничивать сферу охраны – изучены недостаточно. Именно этот пробел призвана восполнить настоящая работа, анализируя, как судебное толкование формирует саму охраноспособность объектов авторского права.

Примечательно, что данная проблема – заполнение законодательных лакун судебной практикой – отнюдь не нова и имеет глубокие исторические корни. Еще в ходе обсуждения дореволюционного закона об авторском праве О. Я. Пергамент, по сути, предвосхитил современную ситуацию, отмечая, что запросы установления круга объектов при открытом перечне удовлетворяются «путем создания так называемого права юристов; необходимо только, чтобы закон представлял собой достаточно широкую эластичную рамку, в которую, как конкретное содержание, жизнь при посредстве суда могла бы вложить свои новые назревающие потребности» [12, с. 10]. Это высказывание весьма точно подходит и к современному этапу развития законодательства. Роль «эластичной рамки» сегодня играют общие формулировки национального законодательства об авторском праве, а «право юристов» воплощается в виде складывающейся судебной практики, которая и наполняет абстрактные нормы конкретным содержанием. Именно этот процесс – судебное формирование охраноспособности через расширительное и ограничительное толкование «эластичной рамки» закона – и является предметом проведенного в настоящей работе исследования.

Основная часть. Анализ показывает, что судебная практика применяет расширительное толкование норм авторского права, при котором их действие распространяется на отношения, не относящиеся к сфере интеллектуальной собственности. В результате этого свойства объекта авторского права признаются за объектами иных гражданских правоотношений.

Представляется, что пример подобного толкования можно обнаружить в апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 6 ноября 2014 г. (дело № 33-43979) [1].

Сущность спора состояла в том, что к ООО был предъявлен иск о защите права на охрану изображения гражданина и взыскании компенсации морального вреда. Истец мотивировал свои требования тем, что телеканалом – ответчиком был распространен художественный фильм, в котором без согласия истца было использовано его изображение путем использования в персонаже фильма индивидуальных доминирующих признаков и характеристик.

Согласно представленному истцом акту экспертного исследования эти признаки и характеристики выражались в: «форме усов и бороды, прическе с открытым высоким лбом и залысиной на затылочной части головы; контурах кончика носа и его крыльев; контурах подбородка» [1].

Назначенной судом комплексной видео-фототехнической и портретной экспертизой также был сделан вывод о том, что внешность истца была использована в фильме при оформлении внешнего образа исполняющего роль актера. В частности, было отмечено, что применялись сопутствующие и динамические характеристики внешности: «цветовые характеристики деталей, вид и фасон одежды; манера взаимного ношения верхней одежды; манера движения распахнутыми руками и выполнении характерных жестов, наклон головы, положение туловища при ходьбе, манера посадки в стуле и кресле» [1].

Суд первой инстанции исковое требование удовлетворил. Однако это решение было отменено в апелляционном порядке. Судебная коллегия пришла к выводу о том, что в художественном фильме не было использовано изображение истца, для чего требовалось бы получения его согласия, а показана пародия. В художественном фильме был использован сценический образ артиста, исполнителя шоу-бизнеса. Осуществление пародии на сценический образ не является воспроизведением изображения истца, существующие образы не тождественны.

Аналогичные мотивы лежали в основе апелляционных определений Московского городского суда от 06 июня 2014 г. (дело 33-16906/2014) [2] и от 8 октября 2014 г. (дело № 33-25191/2014) [3].

В рассмотренном примере нормы, допускающие создание пародии на объект авторско-правовой охраны, применяются в отношении сценического образа артиста. Но указанный образ одновременно позволяет без каких-либо затруднений идентифицировать его обладателя, что позволяет его одновременно рассматривать в качестве изображения определенного лица. В частности, не вызывает сомнения, что создание портрета конкретного гражданина как произведения изобразительного искусства без его согласия с использованием «индивидуальных доминирующих признаков и характеристик» и «сопутствующих и динамических характеристик внешности» трактовалось бы как нарушение его личных неимущественных прав.

Для понимания смысла приведенных выше судебных решений следует обратить внимание на то, что правила, закрепленные в п. 4 ст. 1274 ГК РФ, направлены на обеспечение баланса интересов правообладателя и общества в целом. При этом законодатель акцентирует внимание на регламентации отношений между создателем карикатуры либо пародии и обладателем прав на произведение, послужившим основой для их создания. Очевидно, что распространение пародии, карикатуры или шаржа будет отвечать общественным интересам. И в этом случае интересы общества представляются законодателю более важными, чем интересы обладателя авторского права.

Однако точно такой же общественный интерес может присутствовать в отношении карикатуры либо пародии, объектами которых могут и не быть охраняемые авторским правом произведения. В частности, созданная пародия может затрагивать и право лица на изображение (например, политическая карикатура, пародия на артиста и т. п.). На это еще в начале XX века обращал внимание С. А. Беляцкий, который писал, что «карикатура сама по себе представляется нарушением личного права на изображение. Но тут выступает на сцену другая сторона вопроса – общественная заинтересованность» [4, с. 196].

Как в случае создания пародии (карикатуры) на охраняемое авторским правом произведение, так и в случае пародирования конкретного лица интересы общества будут совпадать. Более того, в обоих случаях будут совпадать и действия создателя пародии. Одинаковыми по своему характеру будут и результаты подобных действий.

Но при этом п. 4 ст. 1274 ГК РФ относится только к созданию пародий и карикатур на основе охраняемых авторским правом произведений. А отношения по поводу изображения гражданина как такового не входят в сферу действия права интеллектуальной собственности. На это указывает, в частности, п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [11] из которого следует, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина «не относятся к интеллектуальным правам в смысле положений части четвертой ГК РФ». То есть, право на создание пародий в отношении изображения гражданина формально не охватывается п. 4 ст. 1274 ГК РФ и совершение таких находится вне сферы правового регулирования. При этом пародирование и создание карикатур может затрагивать не только право на изображение, но и иные неимущественные блага (например, право на голос и т. п.).

Буквальное понимание положений о праве лица на изображение способно уничтожить жанр карикатуры и пародии, что вряд ли отвечает интересам общества. Расширительное толкование норм авторского права в этом случае устраняет возникающее противоречие и позволяет наметить дальнейшие пути развития законодательства в рассматриваемой области.

Вместе с тем можно привести и случаи ограничительного толкования положений авторского права, которое приводит к сужению круга охраняемых объектов.

На наш взгляд, примером этому служит судебная практика по спорам, возникающим по поводу шахматных партий. Вопрос о наличии у них признаков объектов авторского права является предметом обсуждения. Например, в 1997 г. ФИДЕ при участии французских юристов был создан специальный комитет по праву собственности на шахматные партии. В результате проделанной работы комитет решил, что «шахматная партия – объект интеллектуальной собственности, публикаторы партий должны платить отчисления, которые будут распределяться между игроками, организаторами турниров и ФИДЕ. Платить придется

как печатным изданиям, так и создателям шахматных баз» [9]. Однако это предложение не было реализовано на практике.

Показательным выглядит решение суда по иску гроссмейстера Е. Свешникова к ЗАО «ИнформСистемы» о признании соавторства на шахматные партии и возмещении убытков [13]. Сущность спора состояла в том, что в 2000 г. ЗАО «ИнформСистемы» выпустило шахматную программу «Chess Assistant», в которой использовались шахматные партии с участием Свешникова, сыгранные против Холмова, Ахметова, Филиппова и Кобаля в декабре 1999 г. во время 52-го Чемпионата России по шахматам среди мужчин.

Истец указал, что не передавал ответчику исключительных прав на использование шахматных партий с его участием для создания компьютерной базы данных, равно как и не разрешал кому бы то ни было использовать шахматные партии с указанием его подлинного имени, в связи с чем ответчик нарушил права соавторства шахматной партии, как личные неимущественные, выразившееся в использовании в шахматной партии подлинного имени соавтора «Свешников» без его согласия, так и имущественные права, выразившиеся в незаконном воспроизведении и продажи шахматных партий с его участием без согласия авторов и без выплаты авторского вознаграждения.

Суд отказал в удовлетворении требований истца на том основании, что «шахматы – спортивная игра, признанная Международным Олимпийским Комитетом, шахматная партия проводится по строго определенным правилам и есть совокупность поочередно делаемых каждым из соперников ходов. Цель игры – поставить мат королю соперника. Шахматная партия есть игра фигурами на доске между конкретными игроками, которая в большинстве случаев не отличается новизной и оригинальностью и прежде всего потому, что сама игра по своей сути неизбежно допускает повторения. Шахматная партия содержит в себе множество идей, которые направлены на достижение цели игры... Запись ходов, осуществленная с помощью шахматной нотации, как объективная форма шахматной партии, является технической процедурой, не имеющей творческий характер. Таким образом, сама запись шахматной партии в соответствии со ст. 6 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» не может быть признана объектом авторского права в связи с тем, что запись не является результатом творческой деятельности» [13].

Из приведенного решения следует, что шахматная партия не признается объектом авторского права по причине того, что она не имеет в большинстве случаев новизны и оригинальности, содержит в себе множество идей, а ее запись не является результатом творческой деятельности. Эта позиция фактически легла в основу п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» [10], утратившего в настоящее время силу.

Автор настоящего исследования ранее уже указывал на спорность использованных при вынесении приведенного решения аргументов об отсутствии новизны, оригинальности и творческого характера шахматной партии [5, с. 182-192], что позволяет не делать этого повторно.

Однако представляет интерес тот факт, что, несмотря на произошедшее реформирование механизмов регулирования авторско-правовых отношений в российском законодательстве и правоприменительной практике, вопрос о принадлежности шахматной партии к числу охраняемых объектов не претерпел изменений.

Анализ упомянутого ранее Постановления Пленума Верховного Суда от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» приводит к выводу, что по рассматриваемой проблеме оно разделяет правовые позиции, положенные в основу приведенных выше судебных актов. Хотя с точки зрения используемых современной судебной практикой подходов к определению признаков охраняемых авторским правом объектов это способно вызвать ряд возражений.

Например, из п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 следует, что объектом авторского права является только тот результат, который создан творческим трудом. Однако при этом уточняется, что «надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом». Следовательно, нельзя заранее отказывать всем шахматным партиям, как результатам интеллектуальной деятельности, в охраноспособности лишь на основании того, что творческий характер отсутствует у определенного числа таких объектов. По общему правилу наличие у них такого характера должно презюмироваться.

Далее, из того же п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 следует, что «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права». Таким образом, лежащие в основе ранее принятых судебных актов положения об отсутствии оригинальности и новизны у шахматных партий сами по себе не могут в настоящее время выступать критериями рашения вопроса об их охраноспособности.

Но, несмотря на это, в том же п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 закрепляется положение, исключающее шахматные партии из числа объектов авторского права: «В силу пункта 5 статьи 1259 ГК РФ не охраняются авторским правом идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическая информация о недрах. Например, авторским правом не охраняются шахматная партия, методики обучения».

Но если обратиться к лексическому значению слов, определяющих неохранные объекты в п. 5 ст. 1259 ГК РФ, то можно прийти к выводу о том, что шахматная партия не охватывается ни одним из них. Так, например, идея – это: «1. Сложное понятие, представление, отражающее обобщение опыта и выражающее отношение к действительности 2. Основная, главная мысль, замысел, определяющий содержание чего-н. ... 3. Мысленный образ чего-н., понятие о чём-н. ... 4. Мысль, намерение, план» [15], а концепция – «Система взглядов на что-н.; основная мысль» [15]. Можно рассмотреть смысловое содержание и иных содержащихся в п. 5 ст. 1259 ГК РФ понятий и легко обнаружить, что они не передают смысла шахматной партии.

Таким образом можно сделать вывод, что судебная практика исключает шахматную партию из числа объектов авторского права несмотря на то, что нельзя однозначно говорить об отсутствии у нее признаков охраноспособности. То есть, судебная практика трактует в данном случае законодательство ограничительно, сужая круг признанных авторским правом объектов.

Можно предположить, что в основе этого лежат мотивы технико-юридического характера, поскольку в случае признания шахматной партии охраняемым объектом возник бы ряд требующих решения вопросов (например, определение обладателей прав на подобные объекты).

Проведенный анализ наглядно иллюстрирует справедливость вывода С.А. Синицына о том, что «Складывающаяся судебная практика позволяет наметить возможные ориентиры будущего развития гражданского законодательства, выявляя пробелы в праве и предлагая уже апробированные на стадии правоприменения варианты их восполнения, показывая тем самым объективно складывающиеся потребности имущественного оборота в изменениях действующего законодательства» [14, с. 105].

Заключение. На основании изложенного можно сделать вывод, что судебное толкование выступает не просто инструментом применения, но и фактором формирования самого содержания авторско-правовой охраны.

Расширительное толкование, как в случае с пародией, преодолевает формальную ограниченность закона, обеспечивая баланс интересов там, где законодатель прямо его не предусмотрел. В свою очередь, ограничительное толкование, ярко проявившееся в вопросе о шахматных партиях, зачастую продиктовано не столько отсутствием творческого характера у объекта, сколько прагматичными соображениями правоприменительного характера (сложность определения правообладателя, неопределенность объема прав и т. д.).

Таким образом, судебная практика через толкование фактически выполняет нормотворческую функцию, заполняя пробелы законодательства и адаптируя его к новым общественным условиям. Однако выявленная непоследовательность в критериях (например, противоречие между презумпцией творческого характера и прямым исключением шахматных партий) указывает на необходимость более четких законодательных ориентиров. Дальнейшее развитие авторского права видится в поиске баланса между гибкостью судебного толкования и правовой определенностью, обеспечиваемой законом.

Библиография

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 06.11.2014 по делу 33-43979. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru>
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 06.06.2014 по делу 33-16906/2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru>
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 08.10.2014 по делу 33-25191/2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru>
4. Беляцкий С.А. Частное право в основных принципах (Курс гражданского права). - Каунас: Б.и., 1928. - 900 с.
5. Богустов А. А. Проблемы и перспективы охраны шахматной партии как объекта авторского права // Спортивное право в Республике Беларусь. - Минск: Промышленно-торговое право, 2014. - С. 182-192.
6. Зенин И. А. Субъекты и объекты интеллектуальных авторских прав // Проблемы

российского права интеллектуальной собственности (избранные труды). – М.: Статут, 2015. – С. 131-146.

7. Кондратьева Е.А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. – М.: Статут, 2014. – 160 с.

8. Матвеев А. Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2015. – 444 с.

9. Наумов М. Авторское право в интеллектуальных играх (на примере шахмат). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gambiter.ru/chess/item/163-chess-copyright.html>

10. О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8.

11. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ, 23 апр. 2019 г. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/>

12. Пиленко А. А. Новый закон об авторском праве: (Текст закона, сопоставление с прежде действовавшим правом, подготовительные материалы). – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. – 168 с.

13. Решение Басманного районного суда г. Москвы, 26 июля 2002 г. по делу №2-3775/02. [Электронный ресурс]. URL: <https://euruchess.org/cgi-bin/index.cgi?action=forum&board=mir&op=printpage&num=124>

14. Сеницын С.А. Судебная практика как важнейший фактор развития законодательства: опыт российского и зарубежного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1 (62). – С. 103-107.

Bogustov A.A.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2026.83.61-70
UOT:347.78:34.096

Müəlliflik hüququ obyektlərinin qorunma qabiliyyətinin formalaşması faktoru kimi məhkəmə təfsiri

Xülasə: Müəlliflik hüququ obyektləri haqqında qanunvericiliyin məhkəmələr tərəfindən genişləndirilmiş və məhdudlaşdırıcı təfsirinin həmin obyektlərin qorunma qabiliyyətinin formalaşmasındakı rolu araşdırılır. Müəllif konkret məhkəmə işlərinin təhlili əsasında göstərir ki, məhkəmə təfsiri nəinki qorunan əsərlərin dairəsini müəyyən edir, həm də müəlliflik hüququ prinsiplərinin təsirini intellektual mülkiyyətlə bağlı olmayan münasibətlərə (məsələn, təsvir hüququna) şamil edir və ya əksinə, müəyyən intellektual fəaliyyət nəticələrini (məsələn, şahmat

* **Bogustov Andrey A.** – hüquq elmləri namizədi, dosent, Yanka Kupala adına Qrodno Dövlət Universitetinin beynəlxalq hüquq kafedrasının dosenti (Belarus Respublikası). E-mail: bogustov_aa@grsu.by.

partiyalarını) qorumadan kənarlaşdırır. Bu yanaşmaların hüquq sahibləri və istifadəçilər üçün nəticələri vurğulanır.

Açar sözlər: müəllif, müəlliflik hüququ, hüquqların obyektı, məhkəmə təcrübəsi, məhkəmə təfsiri.

Məqalə daxil olmuşdur: 09 aprel 2026-cı il

Çapa qəbul edilmişdir: 23 aprel 2026-cı il